

Но мы смотрели не на дёрн, зависший в полуметре над землёй. Мы пялились в шахту, которая и была прикрыта съехавшим дёргом.

В шахте, однако, ничего не было видно. Её жерло словно заполнено туманом, и в этом тумане, что-то, двигалось. Как будто лифт поднимался. Не успели мы переглянуться, как из тумана шахты выдвинулась площадка и, поравнявшись с краем, замерла.

Катя смотрела на меня, и в её глазах застыл страх, вперемешку с любопытством. Она ожидала, от меня, действия и решения. И времени, на принятие решения, оставалось всё меньше. Уже второе солнце опустилось за верхушки деревьев, отбрасывающих, угасающие с каждой секундой, тени. Тишина, и без того угнетавшая, с темнотой становилась зловещей. Я переступил с ноги на ногу и сглотнул комок, застрявший в горле.

— «Чё делать-то?» — спрашивал я сам себя, и не видел другого выхода, кроме одного. Я вдохнул и выдохнул, обвёл взглядом полянку, погружающуюся во мрак ночной, и наткнулся на кольцо травы с дёргом.

Почему я об этом подумал? Не знаю.

— Катя, бери кольцо, поставим его на место.

Мы подняли травяное кольцо и осторожно опустили на крышку из дёрна, зависшую в воздухе. Крышка слегка просела, но через секунду приподнялась и замерла. Я взял Катю за руку и сделав два шага, мы ступили на площадку. Прошло три или четыре секунды, и я уже хотел, потянув Катю, шагнуть на полянку. Но площадка дрогнула, и пошла вниз.

Площадка опускалась, а мне захотелось выскочить из шахты, но я удержался. Катя жалась ко мне, и вся тряслась: не то от страха, не то от холода. После того, как второе солнце спряталось за верхушками деревьев, на полянке похолодало.

Площадка погружалась в шахту и я, чисто на автомате, отсчитывал секунды: через восемь секунд моя макушка поравнялась с краем шахты. При моём росте в метр семьдесят, скорость площадки чуть больше 0,2 м/с... 21... 22... 37... 38... 39... 40. Площадка остановилась. Значит глубина шахты, порядка семи метров.

Стало понятно почему казалось, что в шахте туман. Шахта была сделана из какого-то дымчатого материала похожего на пластик. И сквозь пластик пробивался тусклый свет из того, что было за стенкой шахты.

Мы стояли на площадке, на дне шахты. Прошло две или три секунды, и в шахте стало темнее. Это — мы посмотрели вверх — вернулся на место дёрн с крышкой (или наоборот), и закупорил шахту.

Тишина.

Катя, прижавшись ко мне, дрожала уже явно не от холода. Мне тоже было не по себе. Что за стенкой шахты есть свет, теперь не было никакого сомнения. Через полминуты мы уже видели друг друга. Катя понемногу успокаивалась. Часов не было. Сотовый.

— Катя, где твой айфон?

— Там остался.

— Сколько времени прошло, как думаешь?

— Минут семь?

Я вздохнул — Долго ешё нас здесь собираются мариновать? Эй! — я стукнул по стенке.

Ничего не произошло.

— Может также, как крышка?

— Умница.

Я повёл пальцами по кругу, но ничего не нашупал. Тогда я стал водить круги, смещая руки вниз. Так я проверил поверхность стенки шахты, опустив руку до бедра.

Ничего.

— Катя, я присяду и обведу рукой понизу. Может там?

Было тесновато. Возможно шахта на одного. Но я присел, ткнувшись носом в её лобок. Она не шевельнулась. Я вёл пальцами по поверхности стенки шахты, на стыке с её дном. Точнее, на стыке с площадкой. И точно также, как и на крышке, мои пальцы наткнулись...

На углубление.

Теперь я замер, прежде чем ткнуть, туда, пальцем.

— Есть?

— Да.

— Ты боишься? — Катя тронула моё плечо.

— Вообще то да.

— Мы так и будем стоять? А как мы будем спать? А если воздух кончится?

И я ткнул.